

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

ЛЕГИТИМАЦИЯ ПРОЕЦИРОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США РОЛЬ АСИММЕТРИЧНЫХ АЛЬЯНСОВ ПОСЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

АЛЕКСЕЙ БОГДАНОВ

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Резюме

Исследователи склонны рассматривать военно-политические союзы как механизмы, позволяющие государствам выживать в условиях анархии и поддерживать необходимый для стабильности международной системы баланс сил. Между тем альянсы, в которых присутствует значительная асимметрия между лидером и остальными участниками, часто используются в качестве средства легитимации преобладающей мощи и амбициозной политики доминирующего государства. Разнообразие интерпретаций роли военно-политических альянсов порождает неопределённость с точки зрения теоретического осмысления природы международных союзов как институтов структурирования взаимодействия государств и поддержания международных порядков. В целях разработки целостного подхода к осмыслению асимметричных альянсов как инструмента проецирования влияния могущественного государства статья опирается на теорию структурирования, позволяющую преодолеть методологические ограничения, обусловленные различиями между атрибутивным и реляционным подходами к исследованию феномена власти. Автор обращается к исследованию асимметричных альянсов США в Европе (НАТО) и Восточной Азии (система двусторонних оборонных пактов) как социальных структур, включающих в себя ресурсы и правила, которые накладывают ограничения и обязательства на Вашингтон, а также поддерживают регулярные практики американской вовлечённости в региональные дела и способствуют легитимации претензий Соединённых Штатов на гегемонию в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Этот подход позволяет не только углубить понимание роли этих инструментов достижения целей Вашингтона и механизмов воспроизводства неравноправных отношений между союзниками, но также выявить присущие иерархическим соглашениям структурные противоречия, вызванные нарастающим напряжением между ресурсами и правилами, вовлечёнными в процесс проецирования и легитимации американской мощи.

Ключевые слова:

альянсы; США; легитимность; социальная структура; власть.

Согласно устоявшимся в академических кругах представлениям, военно-политические союзы имеют двоякое значение. С од-

ной стороны, они позволяют государствам выживать в условиях анархии за счёт объединения военных потенциалов и принятия

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2021

Дата принятия к публикации: 28.04.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: enli182@mail.ru

взаимных обязательств. Согласно этому подходу, союзы выступают в качестве механизмов поддержания силового равновесия, обеспечивающих относительную международную стабильность в условиях высокой неопределённости (например, Тройственный союз, Антанта). С другой – военно-политические альянсы нередко рассматриваются как инструменты реализации внешнеполитических стратегий могущественных держав, а также легитимации их действий и преобладающей мощи (НАТО, ОВД). Данный подход тяготеет к тому, чтобы рассматривать проекцию влияния и легитимацию мощи в качестве самостоятельных функций асимметричных альянсов [см., напр.: Истомин и Байков 2019: 37–38]. В настоящей статье автор стремится показать, что проекция влияния и легитимация власти могут представлять собой функционально взаимосвязанные процессы в рамках создаваемых могущественными державами союзов. Для достижения этой цели автор обращается к исследованию асимметричных альянсов США в Европе и в Восточной Азии как социальных структур, призванных содействовать проекции влияния Соединённых Штатов, а также легитимировать неравноправные отношения между Вашингтоном и менее могущественными государствами после завершения «холодной войны». Исследование направлено на углубление понимания природы асимметричных альянсов, а также выявление их роли с точки зрения воспроизводства властной асимметрии и институционализации выгодных для Соединённых Штатов региональных порядков.

Проблема международной легитимности и асимметричные альянсы

Могущественные государства сталкиваются с необходимостью принятия нормативных ограничений на использование своей мощи ради обеспечения международного признания того, что применение власти соответствует коллективным интересам и общим ценностям. Поскольку эти добровольные самоограничения позволяют снизить масштаб сопротивления со сто-

роны иных стран, доминирующие державы склонны принимать на себя обязательства не злоупотреблять «особыми правами» (например, право на интервенцию внутри «сфер влияния») и действовать в соответствии с правилами ими же созданного порядка [Clark 2011: 47].

Руководствующиеся подобными соображениями державы стремятся избегать злоупотреблений своим положением и формировать международные порядки, приносящие выгоды менее могущественным государствам и предусматривающие санкции для нарушителей установленных правил [Lake 2009: 93]. Тем самым они проявляют уважение к «встроенным ограничениям, наложенным на их мощь в виде правил и фундаментальных принципов» [Beetham 1991: 35] и вовлекаются в «рассредоточенные отношения взаимодействия» [Barnett, Duvall 2005: 43] с менее могущественными странами на основе общих правил и институционализированных норм. Это приводит к появлению социальных структур (отношений «патрон-клиент», «партнёрств», «особых отношений» и др.), увеличивающих автономию подчинённых субъектов [Reus-Smith 2004: 41]. Поскольку они ограничивают оппортунизм доминирующих государств посредством обязывающих соглашений, взаимных гарантий и ожиданий, а также наделяют полномочиями и относительной независимостью подчинённые государства, их роль в процессе легитимации неравноправных отношений представляется ключевой.

Вместе с тем в международных исследованиях сохраняются разногласия относительно того, как именно социальные структуры используются доминирующими державами. В частности, неореалисты рассматривают их как средства продвижения политических и экономических интересов государства-гегемона [Gilpin 1981: 9]. Сторонники либерально-институционалистского подхода делают акцент на их роли в легитимации гегемонистского международного порядка, участники которого признают его правила и принципы в качестве желаемых [Ikenberry 2006: 116].

Принципиальное различие между этими пониманиями социальных структур обусловлено двойственной природой власти, представляющей собой как «атрибут» социальных акторов, так и «отношение» господства и подчинения между ними. Первый («атрибутивный») подход делает акцент на способности одних социальных агентов использовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы для побуждения других «действовать иначе, чем они действовали бы в ином случае» [Nye, Keohane 1971: 344]. Второй («реляционный») – рассматривает власть как отношение [Baldwin 2013: 274], основанное на практиках доминирования и субординации в соответствии с правилами, оговорёнными взаимодействующими сторонами на основе консенсуса, или навязанными властвующим субъектом в одностороннем порядке. Как следствие, концептуальное различие между атрибутивным подходом, интерпретирующем власть как ресурс, используемый для достижения целей, и реляционным подходом, утверждающим, что власть актуализируется в рамках конкретных политических отношений [Юдин 2019: 67], затрудняет исследование роли социальных структур (в том числе асимметричных альянсов) как механизмов проецирования и легитимации мощи могущественных держав.

Формированию более широкого понимания, опирающегося на идеи как атрибутивного, так и реляционного подхода, может способствовать использование определения социальной структуры как «ресурсов и правил, организованных как свойства социальных систем» [Giddens 1979: 60]. С этой точки зрения доступ к ресурсам позволяет агентам обеспечивать контроль как над различными средствами принуждения и насилия (распределительные ресурсы), так и над поведением других агентов (авторитетные ресурсы, такие как общественные статусы и иерархические позиции) [Giddens 1985: 7].

В то время как распределительные ресурсы составляют способность могущественных игроков использовать принуждение как особый вид асимметричной власти, применяемой для изменения поведения более слабых субъектов [Hurd 2007: 35], авторитетные ресурсы соотносятся с позиционным неравенством, которое обычно проявляется в дифференцированных статусах взаимодействующих агентов (например, «старший союзник» и «младший союзник»)¹. В свою очередь, правила являются обобщёнными представлениями о подобающем или неприемлемом поведении. Эти представления включают нормативные предписания, структурирующие дискурс и формирующие обоюдные понимания действий как значимых для участников взаимодействия, а также санкционирующие (одобряющие) различные способы общественного поведения [Гидденс 2003: 74].

Поскольку правила обычно предполагают определение, регулирование и наделение социальных агентов правами и обязанностями [Legro 1997: 33], они оказывают конституирующее (посредством распределения идентичностей и полномочий) и регулятивное (путём предписания или запрета определённых типов поведения в конкретных обстоятельствах) влияние на возможности государств и их действия. В международной политике конституирующие и регулирующие правила опосредуют коммуникации между государствами, помогают координировать их взаимодействия [Dessler 1989: 454–457].

Кроме того, правила генерируют (либо опосредуют) производство и воспроизводство регулярных практик [Giddens 1979: 66–67], таких как дипломатия, мультилатерализм, политика баланса сил, а также различные практики доминирования и субординации. Это позволяет рассматривать правила в качестве фундаментальных свойств социальных структур, в рамках

¹ Такая статусная дифференциация может закрепляться посредством соглашений, предоставляющих могущественной державе право размещать военные контингенты на территории второстепенных государств, а также предусматривающих частичную уступку суверенитета «младшими союзниками» или «клиентами».

которых подчинённые государства сохраняют некоторую свободу действий, а могущественные державы ограничиваются нормативными предписаниями.

Таким образом, осмысление природы международных союзов США как механизмов проецирования и легитимации мощи предполагает исследование того, как ресурсы и правила вовлекаются в процессы структурирования неравноправных отношений, благодаря чему государство-гегемон получает возможность добиваться поставленных целей и поддерживать выгодный международный порядок. В частности, отношения между гегемоном и иными государствами в рамках асимметричных альянсов² США должны рассматриваться как опосредованные материальным превосходством Вашингтона и его привилегированным международным положением, а также правилами, определяющими параметры легитимного поведения и формирующими нормативный фундамент союзнических отношений.

В этом смысле социальная структура международных альянсов США не только опосредует взаимодействия участников с помощью ресурсов и правил, но также представляет собой результат этих взаимодействий, организованных в виде институционализированных практик³, таких как совместные военные учения, регулярные консультации по вопросам международной безопасности, скоординированная политика сдерживания потенциальных противников, участие в *ad hoc* коалициях и др.

Сказанное означает, что социальная структура асимметричных альянсов является не столько результатом действий отдель-

ных игроков, сколько следствием взаимного конституирования агентов и упорядочивающих шаблонов поведения [Scholte 2019: 59]. При этом нужно принимать во внимание, что характерные для асимметричных альянсов статусные различия и силовой диспаритет оказывают заметное влияние на практики взаимодействия участников, поскольку государство-лидер объединения обладает обширными возможностями формирования повестки дня [Стратегии союзничества 2021: 40], а также определения и модификации основных параметров и направлений сотрудничества.

Согласно предложенному в данной статье подходу, легитимация неравноправных отношений внутри асимметричных альянсов США предполагает использование преобладающих ресурсов Вашингтона в соответствии с набором правил, представляющих собой совокупность «обязательств, распределение которых является коллективно согласованным и которые обеспечивают принцип социальной дифференциации для решения общих проблем» [Bukovansky et al. 2012: 16].

Поскольку эти обязательства помогают увязать «идентичности, интересы, практики или институциональные проекты» [Reus-Smith 2007: 159] доминирующей державы с первоочередными целями сообщества государств, легитимация преобладающей мощи и неравноправных отношений предполагает вовлечённость в социально одобряемые виды деятельности (такие как мультилатерализм, предоставление общественных благ, руководство коалициями), которые способствуют достижению коллективных целей и помогают закреплять

² Как отмечают И. Истомин и А. Байков, присущая американским союзам асимметрия проявляется не только в виде крайне неравномерного распределения материальных ресурсов между «лидером» и его «последователями», но также в различных целях, преследуемых союзниками, и ключевой роли гарантий безопасности, предоставляемых Соединёнными Штатами их младшим партнёрам. В этом отношении асимметричные альянсы служат скорее в качестве механизмов легитимации американского доминирования, чем способа агрегирования военных потенциалов [Истомин, Байков 2019: 45–46].

³ Это понимание восходит к сформулированному Э. Гидденсом принципу «дуальности структуры», предполагающему, что последняя «конституирует агентов и социальные практики» [Giddens 1979: 5], а также сама формируется, воспроизводится и трансформируется в результате действий и взаимодействий социальных акторов.

разделяемые ценности. В этом смысле международные альянсы США можно рассматривать как специфические институциональные механизмы, с помощью которых доминирующее государство формирует организованные шаблоны поведения и тем самым осуществляет социальный контроль, а также удовлетворяет фундаментальные общественные нужды [Wight 1991: 140–141].

Такое понимание легитимирующей функции международных союзов США предполагает акцент не столько на дискурсивных техниках, нацеленных на убеждение последователей в том, что доминирующая держава имеет право ими управлять [Gronau, Schmidtke 2016: 536], сколько на институционализированных практиках (среди которых обеспечение международной безопасности, содействие всеобщему процветанию, распространение демократии), с помощью которых Соединённые Штаты стремятся оправдать привилегированное положение и связанные с ним права необходимостью добиваться коллективных целей и защищать общие ценности.

В конечном счете следование этим практикам нацелено на формирование консенсуса внутри международного общества относительно существующих властных отношений. Поэтому стратегию легитимации можно рассматривать как совокупность действий по продвижению интересов государства в качестве социально значимых [Sundaram 2021: 1] посредством реализации прерогатив и обязательств, связанных с конкретной общественной позицией (например, «гегемон» или «старший союзник»). В пользу такого понимания говорит то, что, поскольку легитимация представляет собой скорее динамичный и часто оспариваемый политический процесс, чем абстрактный политический ресурс [Clark 2005: 30], оправдание власти гегемонистских государств предполагает не только создание регулирующих институтов (например, международных союзов), но также практическое осуществление политического лидерства такими способами, которые вызывают доверие менее могущественных держав. Иными слова-

ми, власть доминирующего государства опирается как на преобладающие ресурсы, так и на социальное одобрение его роли в поддержании международного порядка [Scholte 2019: 58], в том числе посредством управления сетью военно-политических альянсов.

Опираясь на вышеизложенные теоретико-методологические принципы, статья обращается к исследованию особенностей структурной организации военно-политических союзов Вашингтона в Европе и Восточной Азии. При этом ресурсы и правила, задействованные в процессе проецирования влияния США, рассматриваются во взаимосвязи с институционализированными практиками вовлечения Вашингтона в региональные дела.

Эти практики составляют ядро стратегий легитимации, посредством которых Соединённые Штаты стремятся представить свою роль лидера союзов в качестве оправданной и необходимой с точки зрения достижения коллективных целей, противодействия общим вызовам и угрозам. Использование данного подхода позволит сформировать целостное представление о роли асимметричных альянсов как инструментов проецирования власти США, а также механизмов воспроизводства и трансформации неравноправных отношений, обеспечивающих фундамент благоприятных для Вашингтона международных порядков.

Социальная структура асимметричных альянсов США: НАТО

Начиная с середины XX века военно-политические союзы США выступают в качестве инструментов контроля над поведением менее могущественных государств, обеспечивают вовлечённость Соединённых Штатов в ключевые регионы мира [Истомин, Силаев, Сушенцов 2018: 52]. Как следствие, они предстают опорами поддерживаемого Вашингтоном международного порядка. Масштаб этого влияния обусловлен уникальным сочетанием распределительных (военные контингенты, передовое базирование, средства развёрты-

вания вооружённых сил)⁴ и авторитетных (привилегированный статус лидера) ресурсов, используемых Соединёнными Штатами для достижения ключевых целей (таких, как сдерживание потенциальных конкурентов и недопущение борьбы за региональную гегемонию) и консервации неравноправных отношений с иными государствами.

В частности, положение Соединённых Штатов как лидера союза позволяет им проводить политику «двойного сдерживания» [Beckley 2015: 21], направленную на ограничение внешнеполитического волюнтаризма как младших союзников, так и не входящих в созданные ими объединения держав. Оно также помогает манипулировать стандартами приемлемости и допустимости, особенно в тех случаях, когда действия США противоречат сложившимся нормам международного права [Истомин, Байков 2020: 11]. Посредством сдерживания потенциальных оппонентов и ограничения автономии союзников, а также путем модификации критериев международной легитимности в свою пользу Вашингтон приобретает возможности проецирования влияния и формирования благоприятной среды для реализации своих интересов.

Положение лидера позволяет США поддерживать присущую американским альянсам властную асимметрию путём формирования ограничений и взаимных обязательств, а также предоставления «механизмов выражения мнения и взаимности в политической иерархии американоцентричного порядка» [Ikenberry 2011: 208]. Осознавая важность асимметричных альянсов как иерархически организован-

ных подсистем [Истомин, Байков 2019: 37–38], Вашингтон придаёт весомое значение их сохранению в качестве ключевых элементов инфраструктуры проецирования мощи и институционализации выгодных международных порядков⁵.

В этой связи ключевую роль приобретают американские международные обязательства, которые, в сущности, представляют собой инструменты закрепления контроля Соединённых Штатов над внешней политикой союзников и тем самым способствуют формированию региональных иерархий. После окончания «холодной войны» Вашингтон акцентирует роль американских союзов как фундаментальных опор региональных порядков, поддерживаемых гарантиями США в сфере безопасности и согласием их союзников принять правила американской гегемонии. В соответствии с этой логикой альянсы Вашингтона представляют собой значимый «источник влияния» и авторитета⁶, а также «мультипликатор мощи»⁷ и «краеугольный камень» международной вовлечённости Соединённых Штатов⁸.

Кроме того, военно-политические союзы позиционируются Вашингтоном как костяк глобальной архитектуры безопасности⁹, обеспечивающий доступ к критически важным регионам, а также «асимметричное стратегическое преимущество», которое не только гарантирует превосходство США над любым потенциальным соперником, но также способствует «защите свободы, предотвращению войн и сохранению правил, которые поддерживают свободный и открытый международный порядок»¹⁰. Сеть американских альянсов

⁴ Например, согласно данным Пентагона, США имеют 514 военных баз в 45 иностранных государствах. При этом почти 80% этих баз расположены на территории трёх ключевых союзников Вашингтона в Европе (Германия) и АТР (Япония и Южная Корея) — см.: Base Structure Report — Fiscal Year 2018 Baseline. Washington, D.C.: Department of Defense, 2018. P. 7.

⁵ National Security Strategy of the United States of America. White House, Washington D.C. October 2022. P. 37–39.

⁶ Ibid. 1993. P. 13.

⁷ Ibid. 2010. P. 41.

⁸ Ibid. 2015. P. 3.

⁹ Ibid. 2018. P. 2.

¹⁰ Ibid. P. 8.

определяется как «уникальная сила, обеспечивающая фундамент международной безопасности и стабильности»¹¹, а также приумножающая власть США, расширяющая их влияние и поддерживающая их «ответственность по противодействию авторитарным тенденциям, оспариванию радикальных идеологий и предотвращению агрессии»¹². Эти правила призваны сформировать нормативный фундамент региональных иерархий, поддерживающих выгодный для США международный порядок. При этом готовность союзников США размещать американские военные базы (например, согласие Австралии на создание второй военной базы США в г. Дарвин), а также присоединяться к предлагаемым Вашингтоном региональным форматам («Партнёрство ради мира» в Европе, «Четырёхсторонний диалог по безопасности» в АТР) свидетельствует о степени принятия второстепенными государствами американских претензий на лидерство.

Говоря о конкретных военно-политических союзах Вашингтона, стоит отметить, что экстраординарный силовой потенциал Соединённых Штатов составляет фундаментальную опору власти верховного командования объединёнными силами НАТО в Европе [Walt 2009: 111] как механизма обеспечения совместимости европейских, канадских и американских вооружённых сил, приведения приоритетов национальной безопасности государств-членов в соответствие со стратегическими целями США [Sperling, Webber 2019: 518]. Они также дают подкрепление предоставляемым Соединёнными Штатами гарантий безопасности, которые наделяют Вашингтон привилегированным статусом в рамках евроатлантического сообщества.

После завершения «холодной войны» эти ресурсы активно использовались Вашингтоном для недопущения упадка роли НАТО в европейском регионе [Ikenberry 2011: 235] посредством выполнения таких функций, как предотвращение угроз союзникам в результате появления новых очагов конфликта на постсоветском и постсоциалистическом пространстве, разрешение региональных кризисов (Босния 1992–1995 годов, Югославия 1999), а также оказание поддержки миротворческим усилиям ОБСЕ [Буденный 2018: 99] на Балканах (Косово, Санджак и Воеводина, Македония). В то же время США последовательно стремились противодействовать эрозии доминирующего положения Альянса в Европе посредством недопущения соглашений, способных ограничить НАТО и тем самым ослабить вовлечённость США в европейские дела [Posen, Ross 1996/97: 32]. Для достижения этой цели США не только использовали распределительные (военная мощь) и авторитетные (статус лидера) ресурсы, но также артикулировали и продвигали правила, конституирующие НАТО как «незаменимый фундамент трансатлантического сотрудничества» и предписывающие Альянсу содействовать «развитию устойчивой среды безопасности во всей Европе»¹³.

Согласно этой логике, НАТО позиционировалась как «стержень трансатлантической безопасности», «гарант европейской демократии и безопасности»¹⁴, «опора внешней политики США»¹⁵, «преобладающий альянс»¹⁶, а также «хаб расширяющейся глобальной сети безопасности»¹⁷, который предоставляет гарантии безопасности и помогает предотвращать конфликты¹⁸. НАТО не только представлялась в качестве защитника общих интересов в сфере безопасности, стража коллективной обороны,

¹¹ The National Military Strategy of the United States of America. Washington, D.C. 2015. P. 9.

¹² National Security Strategy of the United States. Washington, D.C., 2017. P. 45.

¹³ National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C., 1991. P. 6.

¹⁴ National Security Strategy of Engagement and Enlargement. Washington, D.C., 1996. P. 37.

¹⁵ National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C., 2006. P. 38.

¹⁶ Ibid. 2010. P. 41.

¹⁷ Ibid. 2015. P. 25.

¹⁸ The National Military Strategy of the United States of America. Washington, D.C. 2015. P. 9.

воплощения трансатлантических связей и гаранта «равновесия, позволяющего европейским союзникам нести больше ответственности»¹⁹, но также выступала в качестве «якоря американской вовлечённости в Европе»²⁰, способствующего укреплению фундамента европейской безопасности²¹, продвижению к более интегрированной и безопасной Европе²², а также обеспечению стабильности в разных частях мира²³. Хотя эти правила представляли собой скорее публичные заявления, чем юридически обязывающие нормы, они задавали общие параметры взаимодействия между США и их союзниками. При этом согласие последних следовать вышеназванным правилам проявлялось в готовности поддерживать инициативы Вашингтона (например, в ходе Боснийского и Косовского кризисов) и поэтому имело ключевое значение с точки зрения легитимации властной асимметрии внутри Альянса.

В целом конституирующие правила, которые определяли НАТО как ключевой инструмент сохранения мира, оказываются тесно переплетёнными с регулятивными нормами, наделявшими Альянс ответственностью по обеспечению вовлечённости США в разрешение наиболее острых проблем европейской и международной безопасности. Не менее важно, что эти правила (и соответствующие практики) поддерживали функциональную дифференциацию между Вашингтоном и его союзниками, что способствовало сохранению привилегированного положения Соединённых Штатов в рамках многостороннего формата взаимодействия и тем самым обеспечивает устойчивость региональной политической иерархии.

Эксклюзивный статус «лидера альянса» представляет собой важный авторитетный ресурс, позволяющий США не только добиваться поставленных целей, но также

поддерживать выгодные взаимоотношения с второстепенными державами и оправдывать свою вовлечённость в региональные дела посредством апеллирования к особым правам и обязанностям, которые предоставляет этот привилегированный статус.

Обозначенные ресурсы и правила помогли структурировать отношения между США как лидером НАТО и их младшими союзниками, а также обеспечивали расширение пространства «либерального международного порядка». В первую очередь, это проявлялось в постепенном увеличении числа государств-членов Альянса посредством развития таких форматов ассоциации, как Совет Евроатлантического партнёрства, программа «Партнёрство ради мира» и План действий для получения членства [Истомин, Болгова, Сушенцов, Ребро 2020: 26]. При этом предоставление членства в НАТО постсоветским (Литва, Латвия, Эстония) и постсоциалистическим (Польша, Венгрия, Чехия) государствам рассматривалось в качестве такого процесса, который способствует мирному разрешению конфликтов, развитию мультилатерализма, а также распространению ценностей демократии и прав человека в международном масштабе [Gheciu 2005: 974]. В этом смысле расширение НАТО являлось важным условием стабилизации беспокойной периферии посредством приобщения Восточной и Центральной Европы к ценностям и правилам возглавляемого Соединёнными Штатами евроатлантического сообщества.

В то же время, содействуя экспансии НАТО на восток, США стремились не только распространить выгодные им правила путём поощрения демократического транзита посткоммунистических государств, но также заполнить образовавшийся после распада СССР вакуум власти и тем самым ограничить влияние России

¹⁹ NATO's Strategic Concept. 1999, April 24. URL: www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm

²⁰ National Security Strategy for a New Century. Washington, D.C., 1999. P. 29.

²¹ National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C. 2010. P. 42.

²² National Security Strategy for a New Century. Washington, D.C., 1999. P. 3.

²³ National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C., 2006. P. 38.

в регионе. Можно утверждать, что США (как лидер и главный спонсор НАТО) использовали привилегированное положение в Альянсе с целью укрепления своего международного авторитета, необходимого для сохранения контроля над внешней политикой младших союзников, а также недопущения появления геополитических соперников.

При этом наряду с осуществлением традиционной функции сдерживания, НАТО предписывалось проецировать мощь (в том числе за пределами сферы традиционной ответственности) и обеспечивать политическую легитимацию военных операций, осуществляемых вне сферы компетенции Статьи 5 Вашингтонского договора [Истомин, Болгова, Сушенцов, Ребро 2020: 27]. В частности, присоединение НАТО к военной операции в Афганистане в 2003 г. позволило США укрепить положение лидера интервенции посредством привлечения распределительных (военный контингент, финансовые средства) и авторитетных (формальные и неформальные иерархии) ресурсов Альянса.

От компетентности использования этих ресурсов в конечном счёте зависело не только достижение целей военной операции, но также степень общественного признания доминирующей позиции Вашингтона [Schmitt 2017: 508–509] как внутри НАТО, так и в рамках более широкой коалиции. Для этого Соединённые Штаты прибегали к процедурам принятия решения и практикам поощрения, посредством которых ряд участвующих в операции стран (Австралия, Новая Зеландия, Швеция) были наделены ролями, сопоставимыми с ролями формальных членов Альянса с точки зрения статуса и сопутствующих прерогатив [Ibid: 513].

Следование такой практике позволяло Вашингтону действовать в обход формальной иерархии НАТО и избегать излишних бюрократических процедур, а также мобилизовать поддержку со стороны не входящих в Альянс государств. В конечном счёте это должно было способствовать повышению эффективности совместных действий

путём обеспечения оперативной реакции союзников (в соответствии с меняющимися задачами и обстоятельствами), а также повышения гибкости управления коалицией. При этом готовность США распределять функции между союзниками и наделять значимыми статусами не являющиеся членами НАТО государства отражала стремление Альянса переосмыслить свою идентичность, укрепив при этом свою власть и престиж как субъекта, стремящегося повысить свою роль в сфере региональной и глобальной безопасности [Graeger, Haugevik 2011: 753]. Поэтому лежащие в основе социальной структуры НАТО правила и ресурсы были задействованы в осуществлении практик особой ответственности США как «союзного лидера», использующего Альянс не только в качестве инструмента достижения своих целей и оказания влияния, но также механизма построения выгодного Вашингтону международного порядка в регионе Большого Ближнего Востока.

Вместе с тем после окончания «холодной войны» (и особенно в условиях нарастающей конфронтации с Россией и Китаем) для США характерно стремление оптимизировать свои издержки как главного спонсора НАТО и перераспределить ответственность между союзниками с тем, чтобы сохранить международную роль союза как эффективного военно-политического блока [Boguslavskaya 2019: 41]. В свою очередь, это обнажает противоречие между сокращающимся объёмом ресурсов, направляемых Вашингтоном на обеспечение функционирования Альянса, и правилами, которые по-прежнему наделяют Соединённые Штаты привилегированным статусом гаранта безопасности, а также особой ответственностью по поддержанию международной стабильности.

На протяжении долгого времени это скрытое противоречие нивелировалось готовностью США формировать общую повестку, координировать союзнические действия и нести большую часть материального бремени [Истомин, Болгова, Сушенцов, Ребро 2020: 32], что позволяло

Альянсу сохранять адаптивность и мобилизационный потенциал. По мере того как Соединённые Штаты стали демонстрировать нежелание нести бремя лидерства единолично и стремиться к более справедливому распределению издержек, напряжение между поддерживающими социальную структуру НАТО ресурсами и правилами начало оказывать всё более заметное влияние на процессы проецирования и легитимации американской мощи. Например, Вашингтон проявлял склонность передавать некоторые функции НАТО партнёрским организациям, «коалициям желающих», действовать в одностороннем порядке либо с опорой на «особые отношения» как с традиционными союзниками (Великобритания, Норвегия, Дания, Нидерланды), так и со странами «новой Европы» (Польша, Чехия, Венгрия) [Graeger, Naugevik 2011: 752].

Как следствие, происходил пересмотр представлений о миссии Альянса, которому предписывалось исполнение роли не столько «мирового полицейского», способного поддерживать американскую гегемонию, сколько «глобального хаба», связывающего евроатлантическое сообщество и остальной мир посредством плотной сети партнёрств, включая отдельные страны и международные организации (ООН, ЕС, Африканский союз, Лига арабских государств) по всему миру [Надточей 2014: 20]. Действуя в рамках этого подхода, США стремились компенсировать недостаточный (по их мнению) вклад в коллективные действия со стороны формальных союзников, а также сохранить способность проводить гибкую перенастройку американского военного присутствия в разных частях мира [Приходько 2013: 38–39].

Не менее важно, что партнёрство НАТО со странами вне Альянса способствовало как обеспечению коммуникации в ходе коллективных интервенций, размещения военных баз и создания структур безопасности, нацеленных на противодействие угрозам американским интересам, так и легитимации политики организации в критических ситуациях в отсутствие одобре-

ния со стороны Совета Безопасности ООН [Там же: 43]. Вместе с тем США по-прежнему рассматривают НАТО как традиционный инструмент политики сдерживания, применяемый с целью ограничения растущего влияния России, особенно на постсоветском пространстве.

В результате, хотя социальная структура НАТО воспроизводится посредством практик «особой ответственности» Вашингтона по защите младших союзников от потенциальной угрозы со стороны Москвы, в то же время проявляется напряжение между традиционной функцией Альянса и его формирующейся ролью узлового центра, координирующего многосторонние усилия по противодействию разнообразным вызовам (в том числе транснационального характера). Это напряжение способствует формированию предпосылок структурной дезорганизации Альянса, поскольку акцент Вашингтона на практиках сдерживания и устрашения приводит к рассогласованию между задачами реорганизации ресурсов и правил НАТО в соответствии с ролью «глобального хаба» и стремлением использовать этот союз как механизм давления на соперников США.

Социальная структура асимметричных альянсов США в АТР

Применительно к региону Восточной Азии со времён «холодной войны» Вашингтон стремился проецировать мощь и обеспечивать легитимность своей вовлечённости посредством двусторонних оборонных пактов, включающих как традиционные соглашения в сфере безопасности (с Японией, Республикой Корея, Австралией, Филиппинами и Таиландом), так и три квазиальянса – с Новой Зеландией, Сингапуром и Тайванем, не имеющим официального союзнического договора с Вашингтоном [Лукин, Коротич 2017: 5]. На протяжении десятилетий привилегированное положение США в рамках этих союзов позволяло Вашингтону контролировать морские коммуникации, сохранять постоянное передовое развёртывание военных сил [Сушенцов 2012: 132] и тем

самым обеспечивать вовлечённость в региональные процессы²⁴.

В частности, в регионе был дислоцирован значительный контингент вооружённых сил США, который не просто использовался в качестве распределительного ресурса, позволяющего достигать цели Вашингтона, но также служил фундаментом американских гарантий безопасности, формализованных в виде двусторонних соглашений между Вашингтоном и его младшими союзниками. В свою очередь, эти соглашения наделяли США статусом «гаранта региональной стабильности» и составляли основу архитектуры безопасности в Восточной Азии, организованной по модели «оси и спиц» [Shambaugh 2004/05: 95]. Последняя была нацелена как на эффективное сдерживание потенциальных соперников Вашингтона, так и на закрепление привилегированного положения Соединённых Штатов на вершине региональной иерархии [Goh 2007: 149].

Путём использования своего эксклюзивного положения Соединённые Штаты последовательно культивировали зависимость партнёров от таких благ, как безопасность и престиж [Cha 2009/10: 164], закрепляя тем самым их второстепенные и зависимые позиции. Это, в свою очередь, предоставляло Вашингтону широкие возможности манипулирования политическими предпочтениями союзников и формирования лояльного отношения к действиям США. Поэтому сеть существующих со времён «холодной войны» альянсов (в особенности «краеугольный» союз с Японией) выступала в качестве механизма обеспечения региональной вовлечённости США, стремящихся противодействовать таким угрозам, как ядерный потенциал Северной Кореи и военно-экономический подъём Китая [Сёмин 2010: 35], а также реагировать на появление новых вызовов.

При этом легитимность американской вовлечённости в региональные дела в значительной степени обеспечивалась посредством увязывания союзнических обязательств США с коллективными целями сообщества государств Восточной Азии. После завершения «холодной войны» Вашингтон сформулировал для своих союзников ряд новых правил, нацеленных на консолидацию выгодной для себя региональной иерархии и легитимацию своих особых прав и обязанностей, позиционируя их как необходимое условие укрепления региональной безопасности, предотвращения соперничества великих держав и развития международной торговли.

Эти правила конституировали США как «тихоокеанскую нацию», которая обеспечивает мир и безопасность внутри «нового тихоокеанского сообщества»²⁵ посредством приверженности «открытой и свободной торговле, продвижения справедливого международного порядка и сохранения открытого доступа к общим пространствам»²⁶. Согласно этой логике, политическая сплочённость и коллективные интересы стран региона обеспечивались преимущественно военными гарантиями со стороны США, которые демонстрируют готовность возложить общие усилия по предотвращению распространения ОМУ, созданию новых форматов регионального сотрудничества ради разрешения общих проблем безопасности и укрепления демократии в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Панов 2013: 5].

В русле этого понимания союзы США в Восточной Азии представлялись как «опора региональной безопасности»²⁷, имеющие ключевое значение и с точки зрения восточноазиатских приоритетов Вашингтона, и в контексте укрепления стабильности и процветания. В частности, союз США с Южной Кореей определялся как «стабилизирующая опора для региона»²⁸, в то время как альянсы с Австралией,

²⁴ National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C., 1991. P. 9.

²⁵ National Security Strategy of Engagement and Enlargement. Washington, D.C., 1996. P. 40.

²⁶ Quadrennial Defense Review. Washington, D.C.: Department of Defense. February 2014. P. 4.

²⁷ Ibid. P. 40.

²⁸ National Security Strategy for a New Century. Washington, D.C., 1999. P. 40.

Филиппинами и Таиландом выступали в качестве «оснований безопасности в Азии» и «фундамента процветания»²⁹ в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

При этом акцент делался на центральной роли американско-японского альянса, который не только защищает Японию от военных угроз, но также определяет принадлежность этой страны к западному международному обществу, опосредует её отношения с не-западными странами [Wirth 2015: 298] и выступает в качестве «краеугольного камня» региональной безопасности, способствующего достижению коллективных целей, связанных с сохранением «среды мира и процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе»³⁰.

Не менее важно, что американско-японский союз как опора системы альянсов Вашингтона в Восточной Азии играл центральную роль с точки зрения поддержания региональной иерархии, позволяющей США не только добиваться поставленных целей, но также обеспечивать воспроизводство неравноправных отношений с младшими союзниками. Система иерархически организованных асимметричных связей приобретала определяющее значение в контексте проецирования американской мощи и легитимации контроля Вашингтона над внешней политикой восточных государств региона.

В то же время начиная с 2010-х годов союзническая стратегия Вашингтона в Восточной Азии претерпела заметную трансформацию, обусловленную изменениями в региональном балансе сил и появлением новых вызовов (подъём Китая и связанное с этим обострение противоборства в АТР), а также неразрешённостью старых противоречий, таких как проблема денуклеаризации Корейского полуострова и многочисленные территориальные споры между странами региона.

С момента провозглашения администрации Б. Обамы «поворота в Азию» США стремились к расширению сферы своих интересов в АТР посредством усиления военного присутствия в таких ключевых государствах, как Австралия, Сингапур и Филиппины, а также активизации сотрудничества с региональными многосторонними институтами и партнёрами [Старкин, Рыжов 2014: 51]. Этот сдвиг в приоритетах также нашёл отражение в доктрине «Индо-Тихоокеанского региона», предполагающей укрепление созданных Соединёнными Штатами альянсов и партнёрств, формирования сетевой структуры безопасности, а также трансформации традиционной системы союзов с учётом новых геополитических реалий [Торкунов 2019: 26].

Американская стратегия предполагала интенсификацию дипломатических взаимодействий с широким кругом азиатских государств (в частности, с Индией, Малайзией, Индонезией и Вьетнамом), воздерживаясь при этом от расширения существующих формальных обязательств в сфере коллективной обороны [Истомин, Водопьянов 2016: 126]. В этом отношении заслуживают упоминания не только такие инициативы, как диалоги в сфере безопасности в трёх- (США–Австралия–Япония, США–Индия–Япония) и четырёхстороннем формате (США–Япония–Индия–Австралия), но и заключённый в сентябре 2021 г. союз между США, Австралией и Великобританией (AUKUS), призванный, помимо формально не декларируемой цели сдерживания КНР, увеличить вклад Вашингтона в развивающуюся сеть региональных партнёрств, включающих АНЗЮС, страны АСЕАН, стратегических союзников в рамках двусторонних пактов безопасности, а также всю «тихоокеанскую семью»³¹.

²⁹ National Security Strategy of the United States. Washington, D.C., 2010. P. 42.

³⁰ National Security Strategy for a New Century. Washington, D.C., 1999. P. 34.

³¹ Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom Announcing the Creation of AUKUS. September 15, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aukus/>

Реорганизация распределительных и авторитетных ресурсов провоцирует изменения в социальной структуре асимметричных альянсов Вашингтона в АТР – несмотря на увеличение военного присутствия США в регионе, эксклюзивность статуса лидера союзов становится менее обособленной по мере смещения приоритетов от модели «оси и спиц», гарантирующей Соединённым Штатам привилегированное положение на вершине региональной иерархии, к более децентрализованной сетевой архитектуре в Восточной Азии.

Поскольку эта структура менее иерархична, чем традиционная модель, она обретает большую легитимность в глазах младших союзников США, а также адаптивность, что представляется критически важным свойством в условиях быстроменяющейся региональной среды и нарастающей напряжённости в регионе. Тем не менее поддержание модернизированной структуры американских альянсов США в Восточной Азии предполагает переосмысление устоявшихся практик американской вовлечённости, посредством которых асимметричные союзы Вашингтона воспроизводились на протяжении десятилетий. В этой связи от готовности (и способности) Соединённых Штатов пересмотреть свой подход к поддержанию отношений с младшими союзниками во многом зависит динамика регионального порядка, а также перспективы трансформации его организующих принципов в соответствии с меняющимися представлениями о легитимности американской гегемонии в АТР.

* * *

Из проведённого анализа следует, что вовлечённые в процесс структурирования асимметричных альянсов Вашингтона ресурсы и правила составляют основу американской власти как в атрибутивном, так и в реляционном понимании. Колоссальные военные ресурсы обеспечивают США возможностями достижения поставленных целей путём побуждения младших союзников к принятию нужных Соединённым Штатам решений и предоставления гаран-

тий безопасности, помогающих контролировать внешнеполитические установки второстепенных государств.

При этом привилегированное положение США как лидера союзов (как в рамках многостороннего формата НАТО, так и внутри модели «оси и спиц» в Восточной Азии) представляет собой фундамент политических иерархий, посредством которых Соединённые Штаты стремятся формировать региональные международные порядки. Этот особый статус на протяжении десятилетий используется Вашингтоном в качестве авторитетного ресурса, благодаря которому асимметричные отношения между США и их младшими союзниками сохраняются в долгосрочной перспективе.

В свою очередь, конституирующие и регулирующие правила, наделяющие «союзного лидера» и его последователей дифференцированными статусами и ролями, позволяют цементировать региональные иерархии. Кроме того, эти правила задают параметры американской вовлечённости в региональные дела и формируют нормативную основу таких регулярных практик, как совместные учения и участие в *ad hoc* коалициях. Готовность союзников следовать этим практикам имеет ключевое значение с точки зрения воспроизводства структурных дисбалансов, присущих асимметричным альянсам Вашингтона в Европе и Восточной Азии.

В то же время способность США проецировать и легитимировать свою мощь посредством таких союзов в значительной степени зависит от того, каким образом ресурсы и правила используются для организации регулярных практик союзнических взаимодействий. Так, в условиях нарастающей конфронтации между США и «восходящими державами» (Китаем и Россией) становится более заметным стремление Вашингтона реорганизовать поддерживающие структуру асимметричных альянсов распределительные и авторитетные ресурсы – например, путём перераспределения бремени издержек и передачи союзникам более широких функций и пол-

номочий. При этом остаются неизменными конституирующие и регулирующие правила, которые наделяют Соединённые Штаты статусом лидера альянсов и гаранта безопасности, отводят второстепенным державам опорные роли в формировании выгодного США порядка и тем самым определяют базовые параметры взаимодействия союзников. В случае углубления противоречия между ресурсами и правилами система асимметричных альянсов может утратить свою роль инструмента закрепления неравноправных отношений и механизма воспроизводства американской гегемонии [Истомин, Байков 2020: 19] и тем самым подорвать реляционную власть Вашингтона.

Нарастание структурных противоречий внутри системы асимметричных альянсов,

обусловленных реорганизацией ресурсов и перераспределением ролей (включая передачу ряда функций временным коалициям и не являющимся членами формальных союзов партнёрам), ослабляют взаимосвязь между глобальной вовлечённостью Соединённых Штатов и коллективными интересами региональных сообществ государств. Как следствие значение асимметричных альянсов как институтов, обеспечивающих легитимность американской власти, всё в большей степени нуждается в переосмыслении с учётом постепенной реконфигурации структур авторитета, лежащих в основе неравномерного распределения особых прав и обязанностей между США и их союзниками после окончания «холодной войны».

Список литературы

- Буденный А. НАТО и военно-политическая независимость Западной Европы // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 4. С. 98–105.
- Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проспект, 2003. 525 с.
- Истомин И., Байков А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. 2020. № 6. С. 8–25.
- Истомин И., Байков А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 1. С. 34–48.
- Истомин И., Болгова И., Сушенцов А., Ребро О. Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 1. С. 26–34.
- Истомин И., Водопьянов К. Трансформация американо-японского союза // Международные процессы. 2016. № 1. С. 121–142.
- Истомин И., Силаев Н., Сушенцов А. Стратегии союзничества континентальных и морских держав // Международные процессы. 2018. № 4. С. 42–62.
- Лукин А., Каротич С. Между Вашингтоном и Пекином: что ждет азиатско-тихоокеанские альянсы США? // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 4. С. 5–15.
- Надточей Ю. Назад в Евро-Атлантику: почему НАТО перестает быть глобальной организацией? // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 6. С. 18–30.
- Панов А. США и многосторонние структуры по вопросам безопасности в АТР // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 9. С. 3–14.
- Приходько С. США и политика партнёрства НАТО // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 3. С. 37–52.
- Сёмин А. США–Япония: полвека альянса // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 8. С. 34–46.
- Старкин С., Рыжов И. Стратегический «разворот» США в Азии: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 10. С. 49–56.
- Стратегии союзничества в современном мире / Под ред. И. Истомина и др. М.: МГИМО-Университет, 2021. 371 с.
- Сушенцов А. Стратегия военного присутствия США в Азии // Международные процессы. 2012. № 2. С. 129–133.
- Торкунов А. Стратегия администрации Д. Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 6. С. 25–37.
- Юдин Н. Трёхчастная таксономия исследований силы в теории международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 4. С. 68–77.

- Baldwin D.* Power and International Relations // Handbook of International Relations / ed. by W. Carlsnaes, Th. Risse, and B. Simmons. London: Sage, 2013. P. 273–297.
- Barnett M., Duvall R.* Power in International Politics // International Organization. 2005. Vol. 59. No. 1. P. 39–75.
- Beckley M.* The Myth of Entangling Alliances. Reassessing the Security Risks of U.S. Defense Pacts // International Security. 2015. Vol. 39. No. 4. P. 7–48.
- Beetham D.* The Legitimation of Power. New York: Palgrave, 1991. 336 p.
- Boguslavskaya Yu.* The member states' contributions to NATO's policy in Afghanistan during Donald Trump presidency // Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations. 2019. Vol. 12. No. 1. P. 40–57.
- Bukovansky M., Reus-Smith Ch., Wheeler N., Price R., Clark I., Eckersley R.* Special Responsibilities: Global power and American Power. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 304 p.
- Cha V.* Powerplay. Origins of the U.S. Alliance System in Asia // International Security, 2009/10. Vol. 34. No. 3. P. 158–196.
- Clark I.* Hegemony in International Society. Oxford: Oxford University Press, 2011. 277 p.
- Clark I.* Legitimacy in International Society. Oxford: Oxford University Press, 2005. 288 p.
- Dessler D.* What's at Stake in the Agent-Structure Debate? // International Organization. 1989. Vol. 43. No. 3. P. 441–473.
- Gheciu A.* Security Institutions as Agents of Socialization? NATO and the "New Europe" // International Organization. 2005. Vol. 59. No. 4. P. 973–1012.
- Giddens A.* Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis. Berkeley, Los-Angeles: University of California Press, 1979. 294 p.
- Giddens A.* The Nation-State and Violence. Berkeley and Los-Angeles: University of California Press, 1985. 408 p.
- Gilpin R.* War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
- Goh E.* Great Powers and Hierarchical Order in Southeast Asia: Analyzing Regional Security Strategies // International Security. 2007. Vol. 32. No. 3. P. 113–157.
- Graeger N., Haugevik K.* The EU's Performance with and within NATO: Assessing Objectives, Outcomes and Organisational Practices // European Integration. 2011. Vol. 33. No. 6. P. 743–757.
- Gronau J., Schmidtke H.* The Quest for Legitimacy in World Politics – International Institutions' Legitimation Strategies // Review of International Studies. 2016. Vol. 42. No. 3. P. 535–557.
- Hurd I.* After Anarchy: Legitimacy and Power in the United Nations Security Council. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2007. 240 p.
- Hurrell A.* Power, Institutions, and the Production of Inequality // Power in Global Governance / ed. by M. Barnett, R. Duvall. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 33–58.
- Ikenberry J.* Constitutional Politics in International Relations // Liberal Order and Imperial Ambition. Essays on American Power and World Politics / ed. by J. Ikenberry. Cambridge: Polity Press, 2006. P. 111–142.
- Ikenberry J.* Liberal Leviathan. The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton University Press, 2011. 372 p.
- Lake D.* Hierarchy in International Relations. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 232 p.
- Legro J.* Which Norms Matter? Revisiting the "Failure" of Internationalism // International Organization. 1997. Vol. 51. No. 1. P. 31–63.
- Nye-jr. J., Keohane R.* Transnational Relations and World Politics: An Introduction // International Organization. 1971. Vol. 25. No. 3. P. 329–349.
- Posen B., Ross A.* Competing Visions for U.S. Grand Strategy // International Security. 1996/97. Vol. 21. No. 2. P. 5–54.
- Reus-Smith Ch.* American Power and World Order. Cambridge: Polity Press, 2004. 184 p.
- Reus-Smith Ch.* International Crises of Legitimacy // International Politics. 2007. Vol. 44. No. 2/3. P. 157–174.
- Schmitt O.* International Organization at War: NATO Practices in the Afghan Campaign // Cooperation and Conflict. Vol. 52. No. 4. P. 502–518.
- Scholte J.* Sources of Legitimacy in Global Governance // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2019. Vol. 12. No. 3. P. 47–76.
- Shambaugh D.* China Engages Asia: Reshaping the Regional Order // International Security. 2004/05. Vol. 29. No. 3. P. 64–99.
- Sperling J., Webber M.* Trump's Foreign Policy and NATO // Review of International Studies. 2019. Vol. 45. No. 3. P. 511–526.
- Sundaram S.* Strategic Legitimation through Rhetorical Dissociation in International Relations // Journal of Global Security Studies. 2021. Vol. 6. No. 2. P. 1–19.
- Walt S.* Alliances in a Unipolar World // World Politics. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 86–120.

Wight M. *International Theory: The Three Traditions*. Leicester: Leicester University Press, 1991. 286 p.
 Wirth Ch. *Securing Japan in the 'West': The US-Japan Alliance and Identity Politics in the Asian Century // Geopolitics*. 2015. Vol. 20. No. 2. P. 287–307.

LEGITIMIZING POWER PROJECTION IN THE US FOREIGN POLICY

THE IMPACT OF ASYMMETRIC ALLIANCES IN EUROPE AND ASIA-PACIFIC IN POST-COLD WAR ERA

ALEXEY BOGDANOV

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, 199034 Russia

Abstract

International relations (IR) scholars have traditionally viewed military alliances as vehicles, serving to ensure the states' survival under anarchy and to maintain the balance of power essential for the systemic stability. At the same time, alliances that include a dominant state are often employed by the latter as the means of attaining its core objectives and the tools of legitimizing its extraordinary might and ambitious policies. Apparently, this situation favors ambiguity and uncertainty in terms of developing proper theoretical understanding of the nature of alliances as the core institutions, which pattern the states' interactions, sustain international order, and ensure smooth functioning of the power relations. Seeking to elaborate more comprehensive approach to studying "asymmetric alliances" as the tools of both wielding the dominant state's influence and legitimizing its preeminence, the paper engages the insights borrowed from the theory of structuration that helps overcome methodological limitations conditioned by dual understanding of "power" as either "attribute" or "relationship". Specifically, the paper examines the United States' "asymmetric alliances" in Europe and East Asia as distinct social structures, comprised of "resources" and "rules" that sustain practices of U.S. engagement in regional affairs so as to ensure reproduction of inequitable relationships between the allies and to legitimize the United States' hegemony. This approach allows to reach more integrative understanding of the role of these alliances as the tools of Washington's influence and the means of reproduction of the inequitable relationships between the allies, as well as to identify contradictions inherent in these hierarchical arrangements, engendered by growing tension between "resources" and "rules" involved in the process of wielding and legitimizing the "American power".

Keywords:

alliances; United States; legitimacy; social structure; power.

References

- Baldwin D. (2013). *Power and International Relations*. In: Carlsnaes W., Risse Th., and Simmons B. (eds) *Handbook of International Relations*. London: Sage. P. 273–297.
- Barnett M., Duvall R. (2005). *Power in International Politics*. *International Organization*. Vol. 59. No. 1. P. 39–75.
- Beckley M. (2015). *The Myth of Entangling Alliances. Reassessing the Security Risks of U.S. Defense Pacts*. *International Security*. Vol. 39. No. 4. P. 7–48.
- Beetham D. (1991). *The Legitimation of Power*. New York: Palgrave. 336 p.

- Boguslavskaya Yu. (2019). The member states' contributions to NATO's policy in Afghanistan during Donald Trump presidency. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. Vol. 12. No. 1. P. 40–57.
- Budyonnyi A. (2018). NATO i voenno-politicheskaia nezavisimost' Zapadnoy Evropy [The NATO and Military-Political Dependency of Western Europe]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. No. 4. P. 98–105.
- Bukovansky M., et. al. (2012). *Special Responsibilities: Global power and American Power*. Cambridge: Cambridge University Press. 304 p.
- Cha V. (2009-2010). Powerplay. Origins of the U.S. Alliance System in Asia. *International Security*. Vol. 34. No. 3. P. 158–196.
- Clark I. (2005). *Legitimacy in International Society*. Oxford: Oxford University Press. 288 p.
- Clark I. (2011). *Hegemony in International Society*. Oxford: Oxford University Press. 277 p.
- Dessler D. (1989). What's at Stake in the Agent-Structure Debate? *International Organization*. Vol. 43. No. 3. P. 441–473.
- Gheciu A. (2005). Security Institutions as Agents of Socialization? NATO and the “New Europe”. *International Organization*. Vol. 59. No. 4. P. 973–1012.
- Giddens A. (1979). *Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis*. Berkeley, Los-Angeles: University of California Press. 294 p.
- Giddens A. (1985). *The Nation-State and Violence*. Berkeley, Los-Angeles: University of California Press. 408 p.
- Giddens A. (2003). *Ustroenie obschestva: ocherk teorii struktursatsii* [Constitution of the Society: The Notes on the Structuration Theory]. Moscow: Akademicheskii prospekt. 525 p.
- Gilpin R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.
- Goh E. (2007). Great Powers and Hierarchical Order in Southeast Asia: Analyzing Regional Security Strategies. *International Security*. Vol. 32. No. 3. P. 113–157.
- Graeger N., Haugevik K. (2011). The EU's Performance with and within NATO: Assessing Objectives, Outcomes and Organisational Practices. *European Integration*. Vol. 33. No. 6. P. 743–757.
- Gronau J., Schmidtke H. (2016). The Quest for Legitimacy in World Politics – International Institutions' Legitimation Strategies. *Review of International Studies*. Vol. 42. No. 3. P. 535–557.
- Hurd I. (2007). *After Anarchy: Legitimacy and Power in the United Nations Security Council*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 240 p.
- Ikenberry J. (2006). Constitutional Politics in International Relations. In: Ikenberry J. (ed) *Liberal Order and Imperial Ambition. Essays on American Power and World Politics*. Cambridge: Polity Press. P. 111–142.
- Ikenberry J. (2011). *Liberal Leviathan. The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press. 372 p.
- Istomin I. et. al. (eds) (2021). *Strategii soyuznichestva v sovremennom mire* [Alliance strategies in the contemporary world]. Moscow: MGIMO-University. 371 p.
- Istomin I., Baykov A. (2019). Dinamika mezhdunarodnykh al'yansov v neravnovesnoj mirovoj sisteme [The Dynamics of International Alliances in an Unbalanced World System]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 1. P. 34–48.
- Istomin I., Baykov A. (2020). Al'yansy na sluzhbe gegemonii: dekonstruktsiia instrumentariia voenno-politicheskogo dominirovaniia [Alliances at the Service of Hegemony: Deconstruction of the Military Domination Toolbox]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 6. P. 8–25.
- Istomin I., Bolgova I., Sushentsov A., Rebro O. (2020). Logika evolyutsii NATO: dostizheniya i perspektivy [The Logic of NATO's Evolution: Achievements and Prospects]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No. 1. P. 26–34.
- Istomin I., Silaev N., Sushentsov A. (2018). Strategii soiuznichestva kontinental'nykh i morskikh derzhav [Alliance Strategies of Continental and Maritime Powers]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 4. P. 42–62.
- Istomin I., Vodopyanov K. (2016). Transformatsiya amerikano-yaponskogo soyuza [Transformation of U.S.-Japan Alliance]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 14. No. 1. P. 121–142.
- Lake D. (2009). *Hierarchy in International Relations*. Ithaca: Cornell University Press. 232 p.
- Legro J. (1997). Which Norms Matter? Revisiting the “Failure” of Internationalism. *International Organization*. Vol. 51. No. 1. P. 31–63.
- Lukin A., Korotich S. (2017). Mezhdz Vashingtonom i Pekinom: chto zhdyot tikhookeanskije al'yansy SSHA? [Between Washington and Beijing: What is the Future of the United States' Pacific Alliances?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 61. No. 4. P. 5–15.
- Nadtochei Yu. (2014). Nazad v Evro-Atlantiku: pochemu NATO perestayot byt' global'noy organizatsiej [Back to Euro-Atlantic: Why the NATO Ceases to Be the Global Organization?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 6. P. 18–30.

- Nye-jr. J., Keohane R. (1971). Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization*. Vol. 25. No. 3. P. 329–349.
- Panov A. (2013). SSHA i mnogostoronnie struktury po voprosam bezopasnosti v ATR [The United States and Multilateral Security Structures in the Asia-Pacific]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. No. 9. P. 3–14.
- Posen B., Ross A. (1996–1997). Competing Visions for U.S. Grand Strategy. *International Security*. Vol. 21. No. 2. P. 5–54.
- Prikhod'ko S. (2013). SSHA i politika partnyorstva NATO [The United States and the NATO's Policy of Partnership]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. No. 3. P. 37–53.
- Reus-Smith Ch. (2004). *American Power and World Order*. Cambridge: Polity Press. 184 p.
- Reus-Smith Ch. (2007). International Crises of Legitimacy. *International Politics*. Vol. 44. No. 2–3. P. 157–174.
- Schmitt O. (2017). International Organization at War: NATO Practices in the Afghan Campaign. *Cooperation and Conflict*. Vol. 52. No. 4. P. 502–518.
- Scholte J. (2019). Sources of Legitimacy in Global Governance. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 12. No. 3. P. 47–76.
- Shambaugh D. (2004/05). China Engages Asia: Reshaping the Regional Order. *International Security*. Vol. 29. No. 3. P. 64–99.
- Sperling J., Webber M. (2019). Trump's Foreign Policy and NATO. *Review of International Studies*. Vol. 45. No. 3. P. 511–526.
- Starkin S., Ryzhov I. (2014). Strategicheskij razvorot SSHA v Azii: evolutsiya podkhodov [The United States' Strategic Pivot to Asia: Evolution of the Approaches]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 10. P. 49–56.
- Sundaram S. (2021) Strategic Legitimation through Rhetorical Dissociation in International Relations. *Journal of Global Security Studies*. Vol. 6. No. 2. P. 1–19.
- Sushentsov A. (2012). Strategiya voennogo prisutstviya SSHA v Azii [The Strategy of the United States' Military Presence in Asia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 10. No. 2. P. 129–133.
- Syomin A. (2010). SSHA-Iaponia: polveka al'iansa [The United States and Japan: The Fifty Years Alliance]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. No. 8. P. 34–46.
- Torkunov A. (2019). Strategiya administratsii D. Trampa v aziatsko-tikhoookeanskom regione [Strategy of the D. Trump's administration in the Asia-Pacific]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 6. P. 25–37.
- Walt S. (2009). Alliances in a Unipolar World. *World Politics*. Vol. 61. No. 1. P. 86–120.
- Wight M. (1991). *International Theory: The Three Traditions*. Leicester: Leicester University Press. 286 p.
- Wirth Ch. (2015). Securing Japan in the 'West': The US-Japan Alliance and Identity Politics in the Asian Century. *Geopolitics*. Vol. 20. No. 2. P. 287–307.
- Yudin N. (2019). Tryokhchastnaia taksonomiia issledovaniy sily v teorii mezhdunarodnykh otnoshenij [Threefold Taxonomy of Power Studies in International Relations Theory]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 4. P. 68–77.